

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Запечатанные младенцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525425

Аннотация

«Куда только не совала меня судьба. Я был последовательно офицером, землемером, грузчиком арбузов, подносчиком кирпичей, продавцом в Москве, на Мясницкой, в одной технической конторе тех принадлежностей домашнего обихода, которые очень необходимы, но о которых вслух не принято говорить. Был лесным объездчиком, нагружал и выгружал мебель во время осеннего и весеннего дачных сезонов, ездил передовым в цирке, занимался гнусным актерским ремеслом, но никогда я не представлял себе, что придется быть еще и псаломщиком...»

Александр

Иванович Куприн

Запечатанные младенцы

Куда только не совала меня судьба. Я был последовательно офицером, землемером, грузчиком арбузов, подносчиком кирпичей, продавцом в Москве, на Мясницкой, в одной технической конторе тех принадлежностей домашнего обихода, которые очень необходимы, но о которых вслух не принято говорить. Был лесным объездчиком, нагружал и выгружал мебель во время осеннего и весеннего дачных сезонов, ездил передовым в цирке, занимался гнусным актерским ремеслом, но никогда я не представлял себе, что придется быть еще и псаломщиком.

А случилось это вот как. Мой приятель инженер попросил меня поехать к нему, на север Полесья, в деревню Казимирку, где у него было около двух тысяч десятин. Почему-то ему взбрела в голову мысль о том, чтобы развить там табаководство. А в то время я был человек свободный, независимый, легкомысленный и подвижной. Поэтому, нагрузив чемодан семенами махорки-серебрянки и несколькими десятками брошюр, я отважно двинулся на это сомнительное

предприятие.

Должен заранее сознаться, что из моих сельскохозяйственных предприятий ничего не вышло. Часть табака увяла от чрезмерно теплого лета, другую часть разворовали крестьяне, а третья, и последняя, погибла во время лесного пожара.

В этой деревне был древний костел и в нем за престолом образ божьей матери, писанный, по преданию, евангелистом Лукою, а в ста шагах расстояния находилась церковь, деревянная, с зеленой высокой крышей, со стенами, крашенными сверху вниз белыми и розовыми полосами. Настоятелем православной церкви числился таинственный отец Анатолий. Но его паства никогда его не видела. Деревня Казимирка считалась приписной в количестве других шести-семи деревень и сел, в которых были престолы.

Всякий, кто бывал на юге или юго-западе России, тот знает, какой заботой, вниманием, я даже более скажу, обожанием, окружает католическая паства своих священников. Лучшая, редкая дичь – ксендзу. Столетний карп или лещ – тоже пану пробощу. Великолепные домотканые полотенца с прелестными народными узорами – ему же, весной черешни, летом земляника, осенью яблоки, грибы, сметана, сливки, а на рождество поросята, гуси и утки. О других да-

рах я не буду говорить, чтобы не показаться сплетником. Конечно, бедные полещуки вместо своей заколоченной православной церкви начали ходить в костел. Надо же было им удовлетворить свои религиозные потребности. Кстати, там музыка, благоговейная тишина, торжественность богослужения, великолепный ритуал.

Ксендз был очень тактичный человек. Он избегал какого бы то ни было воздействия на чужое стадо, но не препятствовал ему обращаться к богу как ему выгоднее и удобнее. И вот, кажется, на это обратили внимание в епархии. Во всяком случае, в деревню Казимирку был наряжен отец Анатолий, со строгим предписанием во что бы то ни стало положить конец католическому засилью. Он приехал не один, а вместе с псаломщиком, который столько же понимал в церковном уставе, сколько, как говорится, сазан в Библии. А церковный устав – это тяжелая, ответственная вещь. Все эти задостойники, стихири на стиховне, тропари, ирмосы, песнопения дню, числу и месяцу, передвижение пасхалии, апостол на каждый день и Евангелие представляют из себя такую скомканную и совсем не четко определенную науку, в которой распутаться может только редкий специалист.

По моему мнению, отец Анатолий знал гораздо меньше, чем псаломщик, или, может быть, знал, но

забыл, но зато он был хорошим патриотом и отважным человеком. Посетив однажды костел и внимательно просмотрев службу ксендза Антония Бурбы, он для привлечения своего стада православной церкви решил ввести у себя в храме католический обиход. Когда он проносил святые дары во время преждеосвященной обедни с жертвенника на алтарь, то впереди его, пятась задом, в серой двухцветной свитке, наполовину черной, наполовину серой, пятился, почти на четвереньках, церковный староста-крестьянин и все время звонил в колокольчик. Возглас к Евангелию он читал на мотив *Secula Seculorum*¹ и говорил проповеди на малороссийском языке.

Неизбежно было, что я познакомился с ними обоими, и с отцом Анатолием, и его псаломщиком. Кроме них, был в Казимирке только едва-едва грамотный человек, продавец в казенной винной лавке, с которым я уже успел давно поссориться.

Итак, мы втроем, священник, псаломщик и я, собирались каждый вечер то у них, то у меня и часами играли в преферанс по двухтысячной, с рефетами и двойной курочкой. Тут-то они меня и привлекли к священнодействию. Надо сказать, что я очень люблю церковное пение и довольно основательно знаю его, поэтому соблазнить меня было очень легко. За

¹ Веки вечные (*лат.*).

две недели до масленицы я уже был постоянным певцом на правом клиросе, и мы с псаломщиком, – помню прекрасно его лицо: маленький, черный, узколобый, с отвисшей нижней губой, но никак не могу вспомнить его имени, отчества и фамилии, – мы с ним каждое воскресенье распевали все, что нам взбрело на ум или попадалось под руку. Во всяком случае, должен сказать, что церковным уставом я овладел в эти несколько недель гораздо точнее, чем он за весь свой семинарский искуc.

Первую неделю великого поста мы провели кое-как, с грехом пополам, но все-таки сравнительно благополучно. Но вот однажды приходит ко мне мой псаломщик и первым делом спрашивает:

– Дадите ли вы мне честное слово, что все, что я вам скажу, останется между нами? Я ему ответил:

– Вы меня связываете чересчур тесным обязательством. Если моя совесть позволит мне не рассказать никому, то, конечно, я не расскажу никому: я не из болтливых. А если мне придется сказать, то скажу. И вообще я не люблю себя стеснять никакими условиями. Вы сами понимаете, что покупать кота в мешке...

– Ну, ладно! Идет, – живо возразил он. – Я не буду с вами уговариваться наперед, а скажу все откровенно. Видите ли, мне хочется в этом месяце держать экзамен в юнкерское училище, чтобы потом сдать экзамен

на подпрапорщика и на офицера. Я хочу попросить у отца Анатолия отпуск, но не хочу ему сказать, зачем я уезжаю. Если мне удастся выдержать экзамен, я напишу ему письмо с прошением, а если не удастся, я вернусь сюда обратно, и место псаломщика все-таки останется за мною. А вы на это время останетесь вместо меня, тем более что под моим руководством вы настолько привыкли к службе, что она вас совсем не затруднит. Вы понимаете меня?

Конечно, я понял его, поморщился, но согласился с ним. В тот же день отец Анатолий благословил его поехать отдать последнее целование усопшей матери, а псаломщик передал мне несколько десятков книг в старинных телячьих переплетах, издание времен Екатерины Второй и Павла Первого.

Однако я не рассчитал своих сил. Страшно тяжело была первая неделя, когда мы служили ежедневно. Начинали мы служение с пяти часов утра, отламывали всенощное бдение, великое и малое повечерие, заутреню, раннюю обедню и позднюю обедню, а в промежутках исповедовали и причащали человек по двести в сутки. Кончали мы служение часов около двух или трех пополудни. Вторая и третья недели были сравнительно легче – были заняты только среды, пятницы и воскресенья. Но к четвертой опять повалили исповедники, и я совсем выбился из сил и лишился

последних остатков моего голоса. Вместо того чтобы петь, я скрипел и шипел, точно расстроенный граммофон. Пятая неделя опять дала маленький роздых, но на шестой и седьмой неделе я просто потерял голову. Коварный псаломщик точно в воду канул. Он меня не извещал ни одним звуком о своей судьбе. А отец Анатолий становился все настойчивее и настойчивее. Почему знать, может быть, он что-нибудь пронюхал о нашем таинственном договоре с псаломщиком. Помню отлично, что в один из этих дней я лег спать в три с половиной часа утра, – всю ночь я играл в польский банчок с графом Ворцелем, – и вот в середине пятого часа утра ко мне приходит церковный староста, в смазных сапогах, в разноцветной свитке, с густо намазанными волосами.

– Идуть швитко до церкви. Батюшка вас требует.

Я мгновенно вспомнил о том, как он обтирал причастникам губы шелковым платком и как при этом орал на них, точно на базаре. Припомнил, как он толкал в шею бестолковых баб, наглухо закутанных в толстые шерстяные платки, как он перевирал имена причастников, вспомнил многое другое. Кончилось все это тем, что он со значительной скоростью выскочил за дверь, и мой башмак попал вряд ли на дюйм выше, чем в то место, где пришлась бы его голова.

Успокоенный и облегченный, я погрузился было в

сладкий утренний сон. Но дверь опять открылась, и вошел отец Анатолий. Он был уже одет, с золотой цепью вокруг шеи, с золотым крестом на груди и выправлял обеими руками волосы из-под воротника.

– Нет, нет! Я и слушать не хочу, – говорил он, – никаких оправданий!.. Одевайтесь! Вот вам брюки. Вот пиджак. Вот сапоги. Где другой сапог? Ах, вот он где. Шевелитесь, молодой человек, шевелитесь! Постарайтесь во имя храма божьего, не ленитесь. Нам осталось совсем немного.

Понятно: ряса, крест, убедительный вид бодрого и верующего человека – все это заставило меня быстро одеться и привести себя в порядок. Таким-то образом я и запрягся на страстную седмицу, на пасхальную неделю, на фомину и на всю цветную триодь.

Для того чтобы сказать, как я измучился за это время, достаточно того, что под светлое Христово воскресенье я без отдыха читал и пел от семи часов вечера до одиннадцати часов следующего дня.

Но конец наших отношений был самым удивительным и, по правде сказать, неожиданным как для него, так и для меня. На фоминой неделе отец Анатолий, ласковый, расчесанный, намащенный, зашел ко мне и попросил меня поехать с ним вместе запечатать младенцев. Сначала я его не понял и даже, признаюсь, немного испугался, но он объяснил мне, что за-

печатание младенцев заключается в следующем. За время его отсутствия из приписанных к нему сел были большие детские эпидемии: дифтерит, корь, скарлатина и другие. Доехать до этих сел не было возможности из-за громадных сугробов, а потом ростепели. Теперь дорога установилась и обсохла, и надо было ехать делать последнее священническое благословение детям, погребенным без церковного напутствия.

Это путешествие у нас заняло три дня. Мы приезжали в село или в деревню, где нас встречали колокольным звоном из каплиц, и затем шли на кладбище. Детские свежие незапечатанные могилки очень легко было узнать, потому что на каждой из них вдоль была растянута полоса домотканого холста, а на ней пара крашенных в синий цвет яиц и пятьдесят копеек медью или серебром. Священник подходил к могилке и начинал торопливо:

– Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!

– А-м-минь, – подтягивая ему.

– Благочестивейш... самодержавнейш... велик...

– Господи помилуй!

– Упокой, господи, душу усопшего раба... младенца... Как звать?

– Грипой, батюшка, – с низким поклоном говорила какая-нибудь почерневшая от лет, невзгод и голодухи

баба.

– ...Грипа и учини его в рай, иде же все праведники упокоятся! А я:

– Господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй!

Таким образом, безмятежно и быстро мы похоронили раба божиего Юрка и младенца Языкантия, и только с одной предпоследней могилой, притаившейся где-то в уголке кладбища, у нас вышло маленькое недоразумение. Холст на ней лежал какой-то подержанный, сделанный, вероятно, лет пятнадцать тому назад, а то просто выкроенный из старой нижней юбки, но ни полтинника, ни яиц на нем не было. Отец Анатолий рассердился, покраснел, как спелый томат, и так закричал на бабу, что она кинулась от него бегом. Через десять минут она вернулась с сорока копейками, и мы благополучно спели панихиду и запечатали рабу божию отроковицу Серениду – настоящее имя ее знает, вероятно, всеведущий господь. Однако краем глаза я видел, как эта женщина, прежде чем запечатать свою умершую дочку, валялась в ногах деревенского старосты и целовала его сапоги. В последнем по очереди селе отца Анатолия вдруг осенила вдохновенная мысль. Он заявил, что хочет служить молебен о плодородии будущего года. Я попробовал было указать ему на требник и сказать, что существу-

ют молебны «о еже власти в кладезь чему нечистому», «о еже избавиться от колдовства и волшебства, от нашествия иноплеменников и междоусобной брани» и так далее. Но он меня остановил вдруг с такой сухостью, которой я даже от него не ожидал:

– Делайте, что вам приказано, и не заставляйте меня прибегать к крайним мерам! Я без лишних объяснений понял, какие это крайние меры. Просто отец Анатолий возьмет и уедет, а я останусь без лошадей, и идти мне придется шестьдесят верст пешком. Мне пришлось смириться. Священник занял самую большую избу во всей деревне и велел немедленно собраться туда всем хозяевам, и чтобы каждый из них непременно принес с собою стакан меду, пяток яиц и большой мерный корец ячменя. Все это было беспрекословно исполнено. Два громадных восьмипудовых мешка были наполнены хлебом. Полная кадушка благоуханного меда была накрыта свежими молодыми липовыми листьями, и в ивовой плетеной корзинке горою лежали свежие весенние яйца.

Ну, уж какой молебен мы отслужили в этой избе – за это ответит на Страшном суде Христовом грешная душа отца Анатолия. Это было какое-то попури из церковных песнопений – великопостных, похоронных, молебственных и других. Достаточно того сказать, что мне все время казалось, что я богохульствую...

После молебна хозяин, пожилой, степенный мужик, откупорил четвертную бутылку с водкой, налил себе стакан, сказал: «Пью до батюшки», выпил и, еще не закусывая, налил второй стакан и протянул отцу Анатолию. Священнослужитель взял наполненный стакан, обернулся ко мне и сказал:

– Пью до... – Он, кажется, хотел сказать «до тебя», но в последний момент одумался и сказал: – до вас.

Я проделал ту же церемонию по отношению к хозяйке, которая долго стеснялась, но все-таки выпила и вытерла губы верхом ладони.

Не совсем твердо помню, как и кто нас доставил в Казимирку. Знаю только, что на другой день отец Анатолий написал мне записку с настоятельной просьбой уплатить ему половину разъездных расходов. Но меня уже в то время потянуло в дальнейшие странствия, и потому я разорвал его письмо, бросил обрывки бумаги в лицо церковному старосте и закричал на него:

– Передай, болван, отцу Анатолию, что сегодня я пишу на него жалобу патриарху Сиракузскому!

– Кому?

– Си-ра-куз-ско-му!